Алексей Иванов

Алексей Иванов

ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ ОТ ИОАННА

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И20

Художник *Александр Чёрный*

Иванов, Алексей Викторович.

И20 Летоисчисление от Иоанна : роман / Алексей Иванов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 219, [5] с. — (Новый Алексей Иванов).

ISBN 978-5-17-099929-3

«Надо объяснить, чтобы читатель не путался: сначала был авторский сценарий для фильма о конфликте Ивана Грозного и митрополита Филиппа, потом он превратился в режиссёрский сценарий Павла Семёновича Лунгина, потом был фильм “Царь”, который представлял Россию на фестивале в Каннах. А потом появился роман “Летоисчисление от Иоанна”, написанный по авторскому сценарию. И роман во многом расходится с фильмом.

Это не историческое повествование, хотя почти все его герои — реальные исторические личности, а в основу положена эсхатологическая концепция опричнины, разработанная доктором исторических наук Андреем Львовичем Юргановым. Это роман-мистерия. В нём над Кремлём появляются Всадники Апокалипсиса, а царица превращается в библейскую Саранчу, в нём Иисус хоронит русских ратников, порубленных под Полоцком, а Грозный пирует с чернокнижниками, колдунами и мертвецами. Роман — не хроника зверств «кромешников», а притча о проклятии русской власти.

Иван Грозный ждёт Конца Света. В гордыне самовластья он воображает себя спасителем своего народа, Христом Второго пришествия. И учреждает опричнину — орден защиты веры. Если народ поверит в царя как в бога, царь станет чудотворцем. Мановением руки он повергнет всех врагов в прах и покроет землю тучными нивами. Нужно только заставить народ поверить в царя. Заставить силой – террором опричнины. Но соловецкий игумен Филипп, человек простой и ясный, не может служить царю как богу. И вот тогда очи вперяются в очи, и против замаха топора поднимается крест».

Алексей Иванов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099929-3

© Иванов А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

Господь является только во зле. Добра-то народ не видит. Как же идти за Господом, если он прозрачен, словно ветер в поле? За тучами иди, в мороке грозы, куда молнии укажут. Если надо спасать людей от гибели, добрый Господь надевает одежды зла. Ибо Гневный Ангел уже опрокинул свою чашу, и время вытекло до капли: исчисление лет подходит к итогу.

В подвальной каморе дворца монах читал о Конце Света. Огромная, разбухшая книга лежала на костлявых коленях. На страницах, захватанных грязными пальцами, из-под пятен вылезали алые и золотые кружева богатых рисунков и цветущих буквиц.

— И я услышал одно из четырёх животных, говорящее громовым голосом: иди и смотри! Я взглянул, и вот конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец...

Монах сидел на скамейке, близоруко сгибаясь над листом. Потрескивала сосновая лучина, зажа-

тая в клюве железного светца. Промасленный холст, затягивающий маленькое окошко, дрожал под толчками позёмки, что мела на дворе.

— И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нём дан большой меч...

Драная ряса монаха была закапана воском. Книга прикрывала прорехи, протёртые коленями на долгих истовых молебнах.

— И вот конь вороной, и на нём всадник, имеющий меру в руке своей...

По стенам полутёмной каморы громоздился всякий дворцовый хлам. Углы толсто заросли изморозью. Плахи близкого потолка, будто седой щетиной, обметало инеем, по которому вслед за пляской огонька на острие лучины волнами пробегало мерцание. Дверь каморы монах подпёр большой лавкой, чтобы никто не вошёл.

— И вот конь блед, и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следует за ним...

Лучина догорела, но монах ещё подслеповато щурился на страницу и беззвучно шевелил губами, пытаясь разобрать строки. Нет, света не хватало даже на то, что помнилось почти дословно.

Монах перевалил книгу на скамейку и встал, сразу оказавшись вровень с окошком. Обломанные ногти монаха, как звериные когти, легко вспороли холстину окна. Монах с треском содрал её с косяка, и в лицо монаху тотчас ударил порыв снежного ветра.

Монах молча смотрел на двор. Хлопья снега летели по низкой каморе, оседали на раскрытых

страницах и таяли на раскалённых словах Иоанна Богослова.

Окошко каморы приходилось вровень с деревянной мостовой теремного двора. Во мгле, в клубах позёмки по мостовой грузно ступали огромные, страшные копыта — какие-то ржавые, словно в крови. То ли с кремлёвской иордани приехал водовоз, то ли с московского промысла вернулся сатана.

1565 год. Московская Русь. Держава содрогается.

Затяжная Ливонская война отнимает все силы. Польский король Сигизмунд, по-русски Жигимонт, разбивает московские полки один за другим. Интригует богатое боярство Новгорода. Вокруг царя Ивана Грозного вызревают измены и заговоры.

Ломая уклад жизни, царь Иван учреждает опричнину — орден охраны престола. Террор заливает Москву кровью. В ответ на зверства опричников уходит в монастырь митрополит — глава православной церкви. И Грозный в одиночку упрямо ведёт свой народ к возмездию и покаянию.

Потому что по старинному летоисчислению всего три года остаётся до конца света. И где-то по русской земле уже шагает мессия, а на небосводе движение солнца отмеряет божьему миру последние дни.

Часть первая

Владыка

Глава 1
РЫБА

Против света Петьке показалось, что в птичник вошёл хозяин. Но хозяин вдруг обернулся огромным лисом, схватил Петьку за ногу, сдёрнул с насеста и швырнул сквозь двери в небо. Петька захлопал крыльями, роняя перья, чтобы удержаться в жидком зимнем воздухе. Мелькнули сизые, провисшие облака, тупые острия знакомого тына, множество людских шапок и конских грив — и вдруг всё это прокрутилось колесом. Сверкающая плоскость сабли отсекла Петьку от себя самого, и глаза петуха увидели собственное обезглавленное тело. Оно упало в растоптанный сугроб и поползло, загребая крыльями и дёргая пышным чёрно-красно-радужным хвостом.

Опричник в лисьем малахае швырял кур из дверей курятника, а Митька Плещеев рубил их на лету пополам. Большое подворье князя Курбатова

заволакивало дымом — это с разных концов зажигали княжеское сельцо. Когда князь — вор, то его место на дыбе, а всё добро князя — и хоромы, и скот, и смердов, — под нож или в огонь. Если, конечно, себе ничего не сгодится.

Дворовые мужики и бабы князя Курбатова, порубленные и поколотые опричниками, валялись на снегу вперемешку с пятнистыми коровами. Кто-то недобитый ещё ворочался, словно пытался выбраться из гибели, как из болотины. Пух от вспоротых перин мешался со снежной пылью, поднятой конями опричников.

Генрих Штаден, царский опричный немец, ловко спрыгнул с седла, наклонился и потянул из пальцев мёртвого мальчонки деревянную игрушку. Она состояла из двух плашек, скреплённых рычажками. Сверху ловко и умело были вырезаны кузнец и медведь — оба с молотками. Штаден подвигал плашки — и кузнец с медведем по очереди застучали молотками по наковальне. Штаден засмеялся простоте и остроумию этой забавы. Русские, конечно, варвары, но бывает в них что-то такое, отчего можно только ахнуть в восхищении.

По гульбищу княжеского дома мимо выбитых окошек с сорванными ставнями молодой и дюжий Федька Басманов тащил найденную в подклети девчонку. Девчонка визжала и билась. Конечно, она ещё недоросток — ничего, повзрослеет в постели. Зря, что ли, в такую даль из Москвы гоняли?

Федька навалил пленницу себе на плечо головой назад и держал обеими ладонями за задницу — чтобы сразу и пощупать добычу. Коса девчонки подметала половицы гульбища. Девчонка извивалась и колотилась, махала руками и заголившимися ногами. Федька только охал от ударов кулачками по спине и от пинков острыми коленками в грудь — будто в бане от хлёсткого веника.

— Дура! — с хохотом рявкнул Федька и движением плеч шмякнул девчонку о бревенчатую стену, чтобы оглушить. — Чего орёшь? Прокормлю же, одену!..

Федька перехватил девчонку левой рукой за ляжки, а правой рукой стал хвататься за перила и столбики кровли крыльца, боком спускаясь по лесенке.

— Федька! — позвал Басманова Штаден и показал игрушку. — Это есть что у вас? Э-э... Игралка?

В распахнутые ворота усадьбы на коне въехал озабоченный Малюта Скуратов. Он развернул коня, остановился и хмуро оглядел суету во дворе.

— Ну что, нашли князя? — громко спросил он.

— Ищем, Григорий Лукьяныч! — весело закричал с крыльца Федька.

— Вижу, чего ты ищешь! — буркнул Малюта.

Не будь Федька сыном друга, велел бы ему всыпать плетей за сластолюбие. Не за этим государь набирал опричнину.

В углу подворья, заслонённый крыльцом, прятался голбец погреба. Распахнув дверку голбца, из

погреба по пояс вылез наружу раскрасневшийся пожилой Алексей Басманов — отец Федьки.

— Федька! — заорал он. — Ну-ка живо батьке помоги!

Увидев Малюту, Басманов-старший кивнул в глубину погреба:

— Здесь князь, Малюта. Не дрожи.

Федька уже сошёл с лестницы и с сожаленьем скинул девчонку под ноги Штадену.

— Вот тебе игралка, Гришка, — вздохнул он и побежал к погребу.

Зарёванная, растрёпанная девчонка поднялась в снегу на карачки, оглядываясь и поскуливая, как избитая собака. Лесенка крыльца была пуста. Девчонка на четвереньках ринулась к ней, и Штаден заступил беглянке дорогу. Он хотел поиграть с варваркой, как с кошкой.

— Ап! — шутливо воскликнул он.

Девчонка ткнулась в другую сторону, и Штаден сделал шаг вбок.

— Ап! — он торжествовал.

Девчонка посмотрела на Штадена снизу вверх раскосыми, обезумевшими глазами. Её мокрое лицо было облеплено снегом, она тупо слизывала снег с кровоточащих губ. Ей было лет тринадцать — на переломе от отрочества к юности. Она ничего не понимала. Ворвались люди, батюшку зарубили, матушку зарубили, надо бежать!..

Осев боком, девчонка обвела глазами подворье: мертвецов, коровьи туши, конных опричников и Малюту Скуратова.

— Нихт коммен! — улыбаясь, сказал девчонке Штаден.

Девчонка наклонила голову — и вдруг вскочила, помчалась по двору к Малюте и, согнувшись, опрометью нырнула под брюхо его коня. Малюта от неожиданности даже поджал ноги. Девчонка вылетела за ворота.

— О-ла-ла! Быстро! Быстро! Уть! — кричал ей вслед Штаден, топал ногами, изображая погоню, хлопал в ладоши и хохотал до слёз.

Малюта рассердился и двинул было коня на Штадена, но из погреба спиной вперёд полез Федька Басманов. Ругаясь, он вытаскивал упирающегося боярина — толстого, старого, насмерть перепуганного князя Курбатова. Сзади Курбатова выпихивал наверх Алексей Басманов.

Курбатов без сил повалился на снег, но оба Басманова схватили его за шубу на плечах и волоком потянули к Малюте.

Курбатов вывернулся из рукавов шубы, упал на колени и схватился за сапог Малюты.

— Помилуй, Григорий Лукьяныч! — страстно твердил он, оглаживая сапог, словно просил любви от красавицы.

— Боров сучий, — сказал сзади Алексей Басманов, вытирая о живот окровавленную ладонь. — Кусается, как баба.

Из-за поисков этого князя Басманов-старший потерял время, и теперь всё ценное уже растащили или попортили.